

ЭЛЕНА ДЖОВАННЕТТИ

КАРТОХИН ДВОР

РОМАН

18+

Элена Джованнетти

Картохин двор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67738940

SelfPub; 2023

Аннотация

"Картохин двор" – светлая, полная жизни книга, в которой сплетаются простые человеческие чувства с тем древним, архетипическим, что лежит в основании нашей души. История настоящей итальянской семьи через поколения, которую рассказывает единственный очевидец всех событий – спящий дом. Итальянская глубинка, переплетение судеб, эмоциональное напряжение на протяжении всей книги и непредсказуемый исход. Основано на реальных событиях.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Нина	8
Глава 2. Домой хочу...	15
Глава 3. Кому и поля мало, чтоб ужиться	28
Глава 4. Одна ошибка прошлого	34
Глава 5. Последний, кто здесь жил	42
Глава 6. Цени то, что имеешь	52
Глава 7. Каждую весну и каждую осень	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Элена Джованнетти

Картохин двор

Пролог

Я долго ждал этого утра. Девятнадцать, без малого, лет прошло с тех пор, как за последним жильцом закрылась входная дверь. Моей компанией давно стали лишь редкие птицы, что устраивают свои гнёзда в переплетениях ветвей высокой ели у крыльца да под провалившейся крышей.

Она стоит, оцепенев, у входа во двор. Там, где раньше были деревянные ворота. Их давно разрушила природа – бури и ветра в долине у подножья гор случаются редко, но сила их разрушительна для заброшенных человеческих построек. Нина. Уже ласковое апрельское солнце играет в светлых волосах и подсвечивает голубые глаза так, что они кажутся ледяными, прозрачными. Солнце светит из-за моих стен ей прямо в лицо. Она щурится и прикрывает ладонью глаза. Вглядывается в темноту пустых окон в слепящем свете, силится рассмотреть невидимое. Неясная мысль о чём-то смутно знакомом и давно забытом вьётся на краю сознания. Нина пытается вспомнить и не может. Хрупкая фигурка будто выросла в землю, не смея сделать ни шага вперёд. Держит в руках оплетённую лыком бутылку – за водой пошла на род-

ник. Дыхание стало поверхностным.

В нескольких шагах от неё стоит высокий и смуглый мужчина. Он уже прошёл вперёд, но заметил, что Нина отстала, и остановился. Это Адриан, давно его знаю. Лет пять назад он переехал на соседнюю улицу, выкупил и отреставрировал небольшой крестьянский домик, да и живёт потихоньку. Руки у него золотые, в помощи соседям не отказывает, за то и отношение к нему доброе. У него строительная фирма и бригада работников. Он вопросительно смотрит на остолбеневшую Нину:

– Алё? Мы идём?

Нина лишь слегка повернула голову в его сторону, не отрываясь глядя на печальное зрелище. Глубоко вдохнула, поставила бутылку на землю, сложила руки на груди. Прижав одну к шее, склонила голову набок и сдвинула брови. В полных неясной боли глазах я вижу отражение моих окон с выбитыми грозой стёклами. Она задерживает взгляд на закрытой на ржавый замок двери. Скорей всего, она не выдержит следующего удара стихии и упадёт. Нина молчит, ей нестерпимо хочется открыть эту дверь. Я знаю, о чём она думает: ей кажется, что она здесь уже была, хотя это и невозможно. Ей всё видится знакомым, как в доме родном после долгой разлуки. Отчего и мечется разум, и волнуется сердце. Нина будто помнит каждый сантиметр каменных стен с разросшимся плющом и зелёной плесенью в углах, где никогда не бывает солнце. Она уже знает, какими были эти стены без

трещин. Деревянные ставни с облупившейся краской. «Они были белыми...». Выступающие кормушки сарая для коз – раньше в них не росли выюнки и сорняки. «Выдрать бы их с корнем и герань посадить...», думается ей.

Я вижу, она чувствует себя былинкой на неверном весеннем ветру перед высотой моих старых стен. Предчувствует, уже почти знает, что стоит в дверях чего-то мощного и неотвратимого, как майская гроза. Ей хочется развернуться и уйти, но она не в силах отвести даже взгляд, стоит, будто замороженная. Да и как убежать, когда буря уже всюду вокруг, а ты всего лишь в мгновении от её нестерпимых объятий? Нина долго сюда шла и должна остаться. Она этого ещё не знает, но чувствует.

Не бойся, милая. Давай же, решайся! Ну, что ты как статуя! Шаг, ещё шаг.... Здесь твоя радость, здесь твой покой. Здравствуй...

Адриан приблизился, тронул Нину за локоть, и она, едва очнувшись, посмотрела на него пустыми глазами. Он подался немного к ней, всматриваясь в зрачки, и пощёлкал пальцами перед лицом.

– Ты что там увидела? Родник чуть дальше. Пойдём, покажу, раз забыла... – развеселился он, и его широкая улыбка вернула Нину в реальность.

– Да... Мне почему-то кажется, что я знаю это место...

– Картохин двор? Не может быть, ты же из другой страны!

– То-то и оно... – Нина инстинктивно взяла его за руку и

повлекла за собой. – Пойдём, посмотрим?

Нина пришла ко мне два года назад. Вырвала меня из забвения, ослепила солнечным светом, напоила ароматом весны. Я шептал ей в шелесте ветра: «Здравствуй, милая, проходи. Ты будешь здесь жить, ты станешь душой моих стен. Я открою тебе свои двери, только не ошибись...».

Я засмотрелся на неё, замечтался. Я всего на мгновение представил её хозяйкой, и она почувствовала моё дыхание. «Здравствуй, я твой дом...».

Глава 1. Нина

Апрель, 2017

«Скорей всего, в прошлой жизни я была курицей», думает Нина, открывая настежь ставни в окнах кухни своего нового дома. Белёлые лучи пронзили сонный полумрак, упали на столешницу тёмного дерева. Всколыхнулись кружевные шторы, свежий ветерок принёс светящуюся на солнце пыльцу и закружил мириады частичек света. Рано утром домашние ещё спят, чему Нина рада. Утром ей нужно время в тишине, чтобы проснуться, побыть с собой наедине. Ради этого она бы и будильник ставила, но всегда просыпается с рассветом. Как курица.

Пока варится кофе, Нина накинула на плечи широкий вязаный кардиган, висевший на спинке стула, – за окном ещё прохладно. Налила закипевший кофе в большую кружку и вышла на крыльцо. Яркое солнце на миг ослепило и тотчас же пригрело, словно обнимая и заставляя радоваться новому утру. Нина глубоко вдохнула аромат цветущего лимонного деревца у ступеней и вроде бы даже ощутила сладковатый привкус во рту. «Воздух пахнет цветами», мелькнула мысль. Нине нравится деревенская расслабленность. В шумном городе в любое время суток фоном стоит мерный гул машин с беспорядочными сигналами клаксонов и сирен пролетающих мимо «скорых». Городским вечно кажется, что нуж-

но как-то двигаться, что-то делать, куда-то спешить. Скорей, скорей, сразу же, как только встал с кровати, – беги!.. Нина ещё недавно тоже была городской, но знала, что клаксоны и сирены – совсем не та мелодия, которую ей хочется слушать по утрам.

Здесь же, в нашей всегда немного ленивой долине, сама природа, всё мироздание будто шепчут: будь спокойна, просто живи. И она живёт, вот уже почти два месяца в нескольких десятках метров меня. И ни разу не повернула головы, проходя мимо. Вечно в мыслях о переводе, над которым работает. Нина переводчик, работает дома. Так поступают многие мигранты – идут в переводчики или туристические гиды. У одних получается, они благополучно устраиваются и не жалеют о том, что уехали из родной страны. Других же носит то туда, то сюда в бесконечном поиске себя в новой реальности. Нина из последних. У неё неплохо получаются переводы, если судить по непрекращающемуся потоку заказов. Она перфекционист, дотошна и упряма в стремлении довести отточенность фраз до идеала. Не может отступить, если чувствует, что не хватает какого-то смысла переведённого предложения. И чувствует себя рабой своих идеалов. «Я это умею, но это – не моё», – думается ей, когда, закончив, очередной перевод, она смотрит на ровные строчки законченного текста. – Скучно, не радуется».

Через четыре года жизни в Италии, учёбы на переводческих курсах и рождения сына, Нина начала осознавать своё

новое место в жизни. После марафона привыкания к новой стране, она остановилась здесь, у нас, и выдохнула. Вот то, к чему привели её собственные решения. Дом, сын, муж, работа – всё, казалось бы, благополучно. Но всё чаще она думает о том, как важно жить где и как нравится, не подчиняясь общепринятым правилам и не строя планов, основанных на ложных устоях. Мысли эти становятся навязчивыми, глубинная тоска всё сильнее гнетёт душу. И не формируются вопросы, чтобы искать ответ. Но я подскажу....

«Сходи за водой», донеслось до слуха журчание ручейка, что весело бежит позади дома. Нина держит в руках пустую чашку и смотрит на возвышающийся напротив холм, до вершины заросший оливковыми деревьями и беспорядочными кустами ежевики. За холмом – я. И я жду. Взгляд скользит по склонам, возвращается к лужайке возле дома. Предыдущий хозяин не очень-то беспокоился о ландшафтном дизайне и вообще был достаточно разболтанным типом. Вон, валяются черепки глиняных горшков, гортензии никогда не видели садовых ножниц, а в подсобке – непроходимые горы какого-то хлама. Сколько ещё работы впереди! Ремонт закончен, в доме тут и там нагромождение всевозможных коробок и мешков. Нина мечтает разобраться поскорей с ними, а там и приняться за устройство уличной красоты. Она недавно рассказывала мужу, что в детстве любила убегать далеко в поля и собирать там огромные, пёстрые букеты цветов. «Вот бы дом утопал в цветах!», мечтала она. Может, то-

гда ей станет здесь хорошо.

Нина сделала несколько шагов и обернулась к дому. Вообще-то, сам по себе он хорош. Старый, каменной кладки, с толстыми стенами и дубовыми балками на потолках. Я помню, как его строили, он лет на сто меня младше. Он в типичном тосканском стиле – так теперь выражаются, когда говорят об обычных крестьянских постройках. Нина с удовольствием подбирала шторы, расставляла мебель и посуду в открытой кухне, старалась навести уют в детской. Они с мужем выбрали этот дом, потому что он подходил им по цене и расположению. Семья Костанте Амадеи произошла из нашей деревни, и ему хотелось поселиться ближе к родным. Они с Ниной и сыном Алессандро живут здесь первую весну. Жизнь кажется чудесной и... чего-то в ней не хватает. Нина убеждает себя, что просто ещё не привыкла, оттого и не чувствует себя дома. Но ей тесно. В этом доме, в этой жизни.

Нина перевела взгляд. Справа от дома – зелёная лужайка с ковром из маргариток. Сын Нины, Алессандро, любит там играть и просто валяться на согретой солнцем мягкой травке. Может подолгу смотреть в небо и безмятежно улыбаться своим мыслям. Детство – это когда тебе тепло, и не важно, какая погода. Муж говорит, что нужно поменять заплесневевшую плитку перед домом и снести старый забор. Тогда патио и лужайка станут единой территорией. Уличный гриль купить, стол большой поставить, лавки вдоль него... Он вообще обстоятельный, Костанте, весь в семье, в доме, в сыне.

Я знаю всю его родословную, помню малышом и его, и прадеда – первого из Амадеи.

Нина считает, что мужу нужно верить, – так воспитали. Он хорошо знает эти места. Его деды и бабушки родились здесь, жили просто, по-крестьянски, и дышали тем же воздухом. Ухаживали за огородом и фруктовыми садами, выращивали оливки и виноград, делали запасы на зиму. Что-то в нём есть от предков. Он крепко стоит на ногах, прагматичен во всём, не требователен к жизни, не верит мечтам и живёт, думая о будущем дне. Его немного раздражает романтический флёр в характере Нины, и он старается не обращать на него внимания, списывая недопонимание на разницу менталитетов.

Нина же иногда задаёт себе вопрос: как они, настолько разные по характеру и мировоззрению люди, вообще сошлись? Былая страсть и обожание закончились с рождением сына, и теперь осталось.... А что, собственно, осталось? Привычка? Уважение и дружба? Правильные слова из статей по психологии семейных кризисов, читая которые Нина пыталась наладить отношения с мужем, никак не помогали вновь почувствовать любовь. И все их разговоры и по сей день сводятся к текущим бытовым проблемам. Скучно, тесно....

Костанте ездит в офис каждый день, работает с восьми до пяти и возвращается домой. Нине такая жизнь кажется невыносимо одинаковой. Ещё ему нравится работа руками, будь то устройство новой клумбы во дворе или выпилива-

ние книжной полки в зал. Он мигом обзавёлся множеством необходимых в сельской жизни инструментов и, как выдаётся выходной, постоянно чем-то занят. Пожалуй, главная для обоих цель – устроиться на новом месте, вырастить сына и, возможно, ещё детей – и держит их вместе. Когда есть общая идея, проще договориться о мелочах.

Впрочем, ей нравится тихая деревня. Чем-то она напоминает ей детство в далёкой России. Только вот дом... Купить его было скорей решением Костанте, а Нина согласилась. Просто потому, что жить в такой красоте – уже само по себе счастье. В её духе жить одним днём, здесь и сейчас. Видится мне, что это у неё от неуверенности в будущем и от тоски по прошлому. Ищет опору под ногами, пытается определиться, найти себя и искренний интерес. Я часто слышу её тягостные мысли: мол, проплывает мимо жизнь, а я стою не берегу и не могу войти в поток.

Миленькая моя... Нашла бы ты себе занятие по душе! Вспомнила бы, как любила в детстве собирать цветы в бескрайних полях, усаживать всех кукол и зайцев за одним столом, как строила им домики и придумывала истории их жизни! Когда же ты забыла свою радость?.. Не слышит.

В нашу деревню она влюбилась сразу, в первый же приезд. Они тогда бывали лишь наездами – в гостях у кого-нибудь из родственников. Вокруг маленькой долины – со всех сторон горы и холмы. Мы тут веками живём неспешной жизнью. Местные, которых не наберётся и тысячи человек, чувству-

ют неторопливый дух и слышат его пульс в течении каждого из бесчисленных ручейков. Поколениями хранят тепло семейных очагов в одних и тех же жилищах за каменными ограждениями с разросшимся плющом. Сколько судеб, сколько тайн за спокойными стенами. И одна общая идея: в каждом доме должна быть душа. Иначе дом спит, не дышит, почти не живёт. Моя душа давно ушла из моих стен, и я почти дождался другую.... Она вернёт тепло и жизнь в промозглые стены, вырвет из объятий разрушения, пробудит ото сна! Я жду....

Нине хорошо в наших местах. А дом.... Обживётся и наладится. Ей даже вдруг захотелось рисовать. Картинки карандашами или акварелью. Спасибо маме, в своё время она заставила Нину ходить в художественную школу. Те нехитрые навыки вспомнились и пригодились, чтобы делать несмелые зарисовки. И никому их не показывать.

Глава 2. Домой хочу...

– Нина! Доброе утро! – бодрый голос вырвал её из мыслей о предстоящих хлопотах. – Ты чего так рано?

Нина обернулась. Адриан стоит за калиткой, широко улыбаясь. Он давно ей улыбается, смущая её и зная это. Открыто и украдкой, когда никто не видит, кроме неё. И она, конечно, понимает не слишком безобидный смысл этих улыбок. Но он не позволяет себе ни на что намекнуть вслух, а она делает вид, что и её ответные улыбки – только дружеские.

– Вода кончилась, хочу вот на родник сходить, – сказала Нина, подхватывая оплетённую лыком пятилитровую бутылку, и направилась к выходу из патио.

Нина открыла калитку и замешкалась. Адриан, кажется, смеётся одними глазами и не двигается с места. Что за манера заигрывать... Он набрал полную грудь воздуха, закинул голову назад, закрыл глаза и раскинул руки в стороны. Шумно вдохнул и выдохнул. Постоял так секунд пять и снова посмотрел на Нину. Она, не глядя на него, неловко теревит в руках бутылку.

– Какое утро, а? Костанте дома? Я ему тут кое какой инструмент привёз, он просил.

– Рано же, он спит ещё... Скоро встанет. Дел, говорит, много на сегодня запланировал.

– Представляю... Ну, пошли! Помогу, что ли, донести на

обратном пути.

– Давай....

Грунтовая дорога петляет между спящих домов. Они идут неспешно, болтая о недоделках после ремонта. Дом был в довольно печальном состоянии, когда его купила молодая семья. Там уже лет пять никто не жил, так что стены и пол поросли чёрной плесенью, а окна держались на ржавых гвоздях, пропуская все ветра. Найти хорошего строителя было делом техники: хозяйка местного бара, Дора, сразу вспомнила Адриана. Мол, таких рук ни у кого в округе нет. К тому же, у него своя строительная фирма, сделает всё в лучшем виде. И велела ещё передавать ему привет, мол, раз от меня, то будет вам скидка. И подмигнула. Адриан оправдал свою славу – выполнил работы в срок и очень качественно. Константе и Нина удивлялись его неитальянской расторопности, а он скромно вспоминал о родине и о том, что у них принято работать на совесть. Он эмигрант, как и Нина, только из Хорватии.

За разговором они свернули за угол и направились к основной дороге. Вдруг Нина замедлила ход. Справа, чуть на возвышении, она видит явно заброшенный дом. Здравствуй... Окна выбиты, дверь еле держится, у сараев провалились крыши. Солнечным утром во дворе громко поют птицы и бестолково суетятся бабочки. Я долго ждал этого утра. Нина словно забыла о мире вокруг, остановившись у входа во двор. Она смотрит на меня, и ей кажется, будто я жив,

только сплю.

«Здравствуй, я твой дом...», шепчу я ветром. Не слышит.

– Чей это дом? – сдавленным голосом спросила она в пустоту. Адриан уже прошёл вперёд и не услышал её вопроса. Нина сделала три шага и замерла. «Ну, что же ты, милая, решишься...», пропели ей птицы, и ветер взметнул её солнечные волосы.

К крыльцу ведёт некогда ухоженная гравиевая дорожка, вся теперь поросшая веселой травой, розовым клевером и мятой. Нина наклонилась, сорвала тёплый, нагретый солнцем листочек, вдохнула нежный аромат ментола. Что-то очень знакомое всколыхнулось в памяти. Бабушка любила и выращивала мяту во дворе, и вдоль всех заборов на солнечной стороне росла радостная зелень. Сушила её потом под потолком в дровянике, и холодным январём было так уютно пить мятный с ромашкой чай.

Слева стоит каменный сарай с открытой настежь дощатой дверью. Замка нет, только на крючке в стене ещё болтается голубая ленточка, вся измочаленная ветрами. Эту дверь оставили открытой так давно, что она вросла в грунт и стала частью вьюнкового царства, и теперь никакие силы не закроют её снова. У стены живится апельсиновое дерево. Половина веток погибла, с каждым годом без ухода сил у него становится всё меньше, а плоды – мельче и кислее.

– Какая фактурная стенка, а? – Адриан заметил, что Нина отстала, подошёл и встал рядом, пытаясь понять, что её так

привлекло.

– Вместо апельсина здорово было бы посадить здесь розовый куст из плетистых, не находишь?

Нина посмотрела на него пристально, он будто прочёл её мысли. И продолжила:

– Он бы разросся, как сумасшедший, во всю стену! Как на открытках из Тосканы, которые туристам продают.

– Точно...

– Думаешь, этот сарай можно отремонтировать? Крыша дырявая...

– Сейчас посмотрим!

Адриан зашёл в полумрак сарая, Нина тоже заглянула внутрь. Очнувшись после долгого сна, я будто вижу всё заново – её глазами. Толстые стены хранят прохладу, но в ярком свете, льющемся из высоких окошек, можно рассмотреть тени прошлого. По стенам висят ржавые орудия сельского труда, в дальнем углу стоят две большие бочки. Дерево рассохлось, и опоясывающие кольца сползли ниже середины. Слева стоят ржавые кроличьи клетки с остатками истлевшего сена и распахнутыми створками. Много, очень много закупоренных банок с орехами там и тут. Зачем столько?.. Тот, кто их оставил, вообще был слегка не в себе. Почему-то прямо посередине заваленное каким-то хламом косится старое плетёное кресло. Хозяин любил здесь отдыхать от тяжёлых работ в полуденный зной. Вон и соломенная шляпа висит на гвозде в стене у входа и стоит стеклянная бутылка с остатками

тёмной жидкости. Похоже, что вина.

– Ну, что я могу сказать... – Адриану не интересны детали сельского быта, он смотрит на обстановку глазами строителя. – Вот здесь трещина пошла, но это не критично, можно сделать укрепление. Раньше хорошо строили, на века. Стены сантиметров шестьдесят толщиной, такие ещё долго простоят...

Нина задумчиво кивает, переводя взгляд с пола на стены, со стен на потолок. Ей рисуется живая картинка, тёплая и красивая. Адриан же смотрит вокруг цепким глазом строителя.

– Несущие балки крепкие, дубовые. Обработать специальным составом, покрасить заново, лаком покрыть – будут, как новенькие. Кирпичи потолка.... Тоже не страшно, дыру залатать.

Они вернулись на улицу, прошли ещё вперёд, обогнули сарай справа. К стене за апельсиновым деревом прикручена проволокой железная лестница, ведущая на второй этаж, в арочный проём с пустыми петлями без дверки. Особая кладка двух противоположных стен, когда кирпичи выкладывались не подряд, один на другой, а так, чтобы между ними образовались зазоры. В летнюю жару они служат естественной вентиляции. С земли хорошо видна крыша с провалами тут и там. Адриан приложил ладонь козырьком ко лбу и, шурясь, смотрит вверх. Нина смотрит на Адриана – мол, что скажешь? Она сама не заметила, как её мысли тоже перешли

от лирического любопытства к практичности. И странным образом она забыла, что сарай не ей принадлежит.

– А вот крыша – да, её придется менять полностью. Черепица отходит, цемент больше не держит, того и гляди попадает. Туда не полезу.

– В таких «дырявых» сараях хорошо сушить травы и развешивать постиранное бельё. Помню, дедушка специально строил деревянные сараи с зазорами между досками – так и солнце не палило, и воздух циркулировал.

– У нас тоже так делали, – Адриан посмотрел на Нину внимательно, но ничего больше не сказал. Два эмигранта из разных миров, встретившиеся в чужой для обоих стране. Нина напомнила ему о далёком детстве.

Напротив сарая, справа от дорожки к дому, сквозь заросли ежевики виднеется зелёная крыша. Когда-то здесь было хранилище сена. Около него всё ещё растёт раскидистое ореховое дерево. Его посадил тот самый, «не в себе». Высокие, метров пять, железные сваи ещё держат пластиковую выцветшую крышу с лежащими на ней ветвями ореха. Задней стены давно нет, она обрушилась за несколько лет до прихода Нины. Теперь и стены, и крышу полностью захватила ежевика, свисая почти до земли и создавая внутри сказочные тени узорчатых переплетений листьев, мелких цветов и веток. Ветерок колышет ежевичное царство, шмели и пчёлы роятся неисчислимым множеством вокруг, и нет возможности зайти внутрь. Да и зачем? Там пусто.

Сразу за хранилищем убегают вверх, к вершине холма, уступы с оливковыми деревьями. В этих краях почти нет широких ровных полей, сплошь холмы да леса. Одна из тётушек Костанте – Амаранта – рассказывала, как, чтобы устроить огород или разбить оливковую рощу, землю отбирали у гор, метр за метром вгрызались вглубь каменистой тверди. Никаких тракторов и экскаваторов – только руками и лопатами. Вытаптывали площадки шириной метра в три-четыре и высотой в метр и на них выращивали оливки. Склон с морем серебристо-зелёных деревьев огибает двор справа и стремится вверх, на сколько хватает взгляда. Я помню, как женщины насыпали в холщовые мешки навоз, перевязывали их верёвками, вешали себе за спину и крепили вокруг головы. Потом медленно и тяжело шли вверх по склону, чтобы каждое деревце получило свою порцию удобрения.

Нина медленно приближается ко мне, внимательно рассматривая и пытаясь оживить в воображении прежнюю жизнь. Ей здесь тепло. Во дворе есть хозяйственные постройки: сарай для коз или поросят, уличный туалет, большая каменная печь под навесом с черепичной крышей. На стенах уже много лет висят проржавевшие решётки для гриля, на полках стоит какая-то кухонная утварь, покрытая грязью прошедших в запустении лет. Я помню те вечера, когда растапливали печь, это был семейный ритуал. В ней пекли хлеб или пиццу, жарили поросят целиком. Собирались всей семьёй, приглашали друзей. Стремились провести вме-

сте больше времени, засиживались допоздна под навесом слева от крыльца....

– Смотри: снова банки с орехами, – обратила внимание Нина, рассматривая хлам в сараях. – Как странно.... Их так много, наверно, кто-то их обожал, оттого и делал колоссальные заготовки на зиму.

Она стоит в нескольких метрах от меня, на залитой солнцем лужайке с молодой травой, маргаритками и бабочками, вьющимися над цветами. Земля изрыта кабанами, которые приходят из соседнего леса по ночам. Вот перед ней центральный вход, семь ступеней, крыльцо. Поднимись.... Нина переводит взгляд на второе, справа, крыльцо. Однажды меня поделили на две части – для двух семей, и с тех пор жизнь моя полетела в забвение.

Адриан устроился на низкой каменной лавочке у стены и с удовольствием смотрит на Нину. Красивая. И это её звенящее воодушевление, даже детский восторг. Адриан слушает её и смотрит на мои разваливающиеся стены иначе – её глазами. Мне кажется, он начал различать неясную пока перспективу.

Нина стоит прямо перед входом, напротив крыльца с где-то истёртыми тысячами шагов, где-то разрушенными временем ступенями. Около него выросла огромная ель, её ветви раскинулись на добрых четыре метра в диаметре, и теперь по ступеням можно пробраться с трудом, только если совсем согнуться. Когда её здесь посадили, то рассчитывали постри-

гать вовремя. Она моя ровесница, и её верхушка уже давно переросла и стены, и черепичную крышу.

– Смотри, – Нина заинтересованно смотрит прямо на меня, – над входной дверью выдолблены какие-то буквы и цифры. «IHS, QG и AD 1842...». Что это может означать, не знаешь?

– Скорее всего, что этот дом построен церковью – и год основания.

– Кто же здесь жил?

– Может, приходской священник с семьёй... Не знаю, надо у местных спросить. Я недавно здесь живу.

– И номер дома – «45», — помолчав, заметила Нина. Заглянула за угол. – А у второго крыльца – «47». Здесь было два хозяина?

Адриан пожал плечами и ничего не сказал. Нина постояла на крыльце, оглядываясь вокруг. Когда меня любили и ухаживали за фруктовыми садами и оливковыми рощами вокруг. Тут и там лопаты, грабли, полуистлевшие корзины, глиняные горшки и огромные вазоны для цветов и благородных кустарников – напоминания о прошлой жизни.

– Как же здесь было красиво, наверно!.. – Нина повернулась к Адриану и без перехода спросила, – Ты чувствуешь себя в Италии дома?

Он сразу понял, о чём вопрос. Эмиграция – это как умереть и родиться заново. В чужой стране у эмигранта не остаётся ничего из прежней жизни – кроме себя самого.

– Ты знаешь, да. Я живу в Италии пятнадцать лет, приехал ещё совсем молодым – на заработки на стройке. Я всегда хотел быть строителем... И меня вдохновляет итальянская архитектура.

– Так что, можно сказать... ты здесь на своём месте?

– Думаю, да...

– А я – нет. И я теперь уже не знаю, где мой дом. То, чем я занималась в России, не получилось здесь. Моё российское образование, мой предыдущий опыт работы оказались никому не нужны в Италии. И это как очнуться в бурю на деревянной доске посреди моря – почвы под ногами нет, не видишь ни берегов, ни горизонта. – Нина перевела дух, помолчала. – Мне долго было жаль прошлой жизни... Теперь начала привыкать к новой. Стараюсь забыть про ностальгический флёр.

– А с Костанте у вас как? – спросил вдруг Адриан. Он подпёр голову рукой, приложив указательный палец к виску, и пристально посмотрел на Нину. Во время ремонта он проводил с ними много времени и давно заметил, что не так уж всё гладко в этой семье. Им было сложно договориться по многим вопросам, они ссорились даже из-за направления паркетных досок. Адриан знает, что если не ладится в любви, в семье, то и весь антураж – будь то новый дом, машина, работа – не принесёт радости. Радость должна быть внутри. И решил задать прямой вопрос. Нина коротко взглянула на него и снова уставилась на меня, прищурив глаза:

– Ты проницателен... – и поспешила перейти на другую тему. – Знаешь, мне кажется, я здесь уже бывала. Я чувствую себя здесь, как у бабушки дома.... Странно, да?

– Ну.... Если учесть, что живёшь ты за поворотом дороги.... Нет, не очень. Ты просто не обращала внимания, но, проезжая мимо, наверняка видела и дом, и двор и всё, что в нём. Забора-то нет.

– Может и так, может и так, – пробормотала Нина.

Адриан спокоен и расслаблен. Ему нравится наблюдать за Ниной. Она принялась бегать по двору, как любопытная девчонка. У неё поминутно меняется выражение лица: то она беззвучно шевелит губами, то улыбается своим мыслям. То вдруг остановилась перед входом и задрала голову вверх, чтобы разглядеть, что там, за выбитым ветром окном. В сумраке спящих окон виден только потолок с рыжими кирпичами и коричневыми балками да люстра.

– То ли хрустальная, то ли стеклянная – в пыли не понятно, – сообщила она Адриану.

– Ты слегка чокнутая, да? – рассмеялся тот, поднимаясь, обошёл меня слева и остановился у входа в подвал.

Нина перевела взгляд на лестницу и взбежала по ступеням. На двери висит ржавый замок и по отметинам на дереве понятно, что в дом пытались забраться. Ручки нет, и вместо замочной скважины зияет дыра, но массивный висячий замок пока ещё надёжно держит оборону. Его не смогли сорвать. Сама дверь основательная, дубовая, но уже настолько

прогнила, что вот-вот слетит с петель от следующего порыва ветра.

– Ужасно хочется зайти внутрь! – крикнула Нина. – Как ты считаешь...? – Нина не закончила фразу, но Адриан понял её мысль.

– Даже не думай, – остановил он её, выглядывая из-за угла. – Доломать хлипкую дверь – это уже вандализм. Здесь явно давно никто не живёт, но это не значит, что дом никому не принадлежит.

– Ты прав, конечно, ты прав... Просто... Я будто приехала домой, а меня не пускают. Почему тут повсюду орехи?..

– Странная ты сегодня, Нина, – сообщил Адриан. – Ну, куда ещё?

Нина сошла с крыльца и повернула к подвалу за углом. Там обнаружился длинный, вдоль всей стены, навес из плексигласа и сгнившей соломы. Какие-то ржавые железки по стенам, бесконечные орехи на полках в закрытых наглухо банках, полуистлевшая одежда... Хозяин однажды повесил рабочую куртку на гвоздь и ушёл. И не вернулся. В центре стоит длинный, всё ещё достаточно крепкий для сиделок стол. «Очистить бы его, сколотить лавки, повесить гирлянды лампочек под крышу и вдоль стен, друзей пригласить, скатерть белая с кружевами...» – пронеслось в голове. С ели прямо под ноги Нине упала большая шишка.

«Очнись...».

Нина вдруг развернулась и пошла к выходу со двора, за-

быв об Адриане, который заинтересовался какой-то досочкой, прибитой к стене у подвала. Сердце её отчего-то ноет, а в голове вертятся вопросы без ответа. «Как это случилось? – думала она. – Как получилось, что прекрасный некогда дом с землёй вокруг и светлым, должно быть, будущим стоит брошенный, разваливающийся?» .Ей стало нестерпимо жаль и меня, и прошлого. И эти чувства схожи с теми, которые возникают при воспоминаниях из навсегда ушедшего и полузабытого детства. Такого сладкого, греющего душу, заставляющего томиться сердце детства. Адриан догнал её уже у дороги и остановил за руку, – мол, ты чего, в самом деле? Нина смотрит куда-то в сторону. Он спросил:

– А кто такой Картоха? Там написано...

Глава 3. Кому и поля мало, чтоб ужиться

Сентябрь, 1942

Помню, однажды погожим осенним днём фермер в соломенной шляпе по имени Пьетро зашёл проведать старого друга да разузнать новости.

– Кто, кто родился, Картоха?

– Девочка, Амаранта.

– Снова девочка.... Хм, поздравляю!

В те времена молодым на свадьбах желали, чтобы рождалось множество сыновей. Считалось, что девочки вырастут и уйдут в другие семьи, а мальчики останутся – и род продолжат, и семью поддержат в нелёгком крестьянском труде. И Пьетро не так понял задумчивый вид друга. Он присел рядом с Картохой, помолчал. Тот был не слишком-то разговорчив.

На каменной скамье справа от дома, у козьего хлева, опершись локтями на колени, сидит Джузеппе что-то выжигает на небольшой дощечке. Вообще-то, Джузеппе его называли редко, разве что когда состарился. Да и то – внуки: дед Джузеппе да дед Джузеппе. А в сороковых годах прошлого века он был Картохой. Он был молод, хорош собой и питал необъяснимую любовь к картошке. Мог только по виду опре-

делить, какой будет вкус и как нужно готовить. Жарил, варил, запекал, месил пюре... Засевал разными сортами бульбы целые поля, и осенью в моих подвалах устраивался склад туго набитых мешков. За это над ним посмеивались, а он всё приговаривал, мол, зря куражитесь, зима длинная, всё в ход пойдёт в крестьянском доме.

Под «всем» он подразумевал не только картошку. Он разбил большой фруктовый сад позади меня и ухаживал за ним, радуясь цветению и первым завязям груш, яблок, слив... Любил гулять среди деревьев, вдыхать тонкие ароматы, ласкать нежные лепестки, и почти каждое утро поднимался по склону на самый верх холма. Ниже по улице, на соседнем поле у него был неплохой огород, где росли овощи по сезону. Картоха хранил их в каменном сарае с широкой дверью слева у входа во двор. Том самом, который, по мнению Адриана, ещё можно спасти. С поздней весны уже можно было собирать первый урожай ранних сортов салата, цуккини, клубники... Он поставил перед сараем дощатый стол, раскладывал на нём то, что собрал утром, и жена его, Эва оставалась продавать урожай местным жителям за небольшие деньги. Она даже принесла удобное плетёное кресло и могла немного передохнуть в те два часа дежурства в лавке между покупателями. Кресло однажды занесли внутрь от дождя, там оно и стоит до сих пор. А стол давно превратился в труху.

Картоха любил свою семью, свой дом, свой двор, сады, огород, оливковые рощи и всю живность. Считал себя счаст-

ливчиком. Он родился здесь, вырос и до некоторого времени и мыслить не мог о том, чтобы уехать, как это сделали несколько его братьев и сестёр.

Это было в двадцатых, помню как сейчас. Поддавшись надеждам на лучшую жизнь, молодые разлетелись, кто куда: одни в большие города, где больше работы, а другие и того дальше – эмигрировали в США, в Канаду. Кого-то потом и след простыл. Джузеппе и один из братьев – Адамо – тогда решили не бросать пожилого отца и семейное гнездо Амадеи, и вскоре обзавелись семьями. Из одиннадцати детей в моих стенах остались двое. Вскоре не стало и отца. Был, правда, ещё один брат – Роберто. Он жил с семьёй в Лукке, часто приезжал помочь с работами в садах. У него тоже была доля в доме и часть земли, но он не претендовал. Ему было достаточно приехать иногда и отвлечься от городской суеты, постригая лишние ветви и собирая оливки.

Позже, в начале тридцатых, когда у Картохи и Эвы уже была одна дочь, от лихорадки умерли дети и жена Адамо. Он долго ходил бобылём, но потом взял в жёны Эдвигу, и я стал свидетелем начала конца. Нашёл бы кого из местных! Но нет, он привёз новую жену откуда-то с севера, куда ездил учиться на ортодонта. Она была старше его и отличалась на редкость скверным характером. У них не было детей, но с ней приехал её племянник. Угрюмый малый, всё орехи собирал да закрывал их в банки – на зиму. Всюду их распахал, прямо сумасшествие какое-то. Ни Картоха, ни Эва никак не могли

с ними ужиться. Склока за склокой, но Адамо всё твердил, что они просто плохо знают его жену. Влюблённый болван.

– Да что там знать! – горячилась Эва. – Я с раннего утра уезжаю в город на работу, возвращаюсь к обеду, до вечера не присяду, всё по дому да во дворе, а эта... – делая резкий жест в сторону Эдвиги и сдерживая крепкое словцо, – знай себе отдыхает в тенёчке! А с чего ей уставать, ведь ничего совсем не делает! Хоть бы обед сготовила мужчинам, так нет, всё я, с вечера, с ночи!.. Только и умеет, что ругань разводить на пустом месте, вечно всем недовольна, что за характер...

В общем, Эдвиге не место было в моих стенах. Она знала это, чувствовала кожей, и день ото дня вела себя всё хуже. В наших местах есть старая традиция – давать имена каждому двору. Меня прозвали Картохиным двором – по прозвищу того, кто вложил свою душу и жизнь в эти стены и земли. Это немало злило Эдвигу, ведь она считала себя здесь хозяйкой. Но с чего бы? Если кто и должен был уйти, так не Картоха с Эвой и детьми. Он был душой в моих стенах. Но жизнь сложилась по-другому...

В тот очень далёкий, выцветший в желтизну день два друга в соломенных шляпах сидели на каменной скамейке у козьего загона.

– Что это ты, сидишь тут, весь в думах, когда должен праздновать? – помолчав, спросил Пьетро. – Накарябал что-то, дай-ка сюда...

На дощечке было написано «Картохин двор». Когда через

много лет её найдёт Адриан, она уже выгорит, лак потрескается, но два слова ещё можно будет прочесть. Картоха набрал в грудь побольше воздуха и тихо проговорил:

– Кажется, кому-то из нас пора уезжать из отчего дома. Нас становится слишком много в этих стенах, места не хватает....

– Ничего себе, не хватает! Да у вас квадратов триста, если вместе с подвалами и чердаком!

– Эдвига уговорила Адамо заложить дверные проёмы и разделить дом на две половины. Что за жизнь, когда два брата живут, как чужие, под одной крышей?

– Вот же злыдня! – выругался Пьетро. – А он что?

– А что он.... Он не смеет ей перечить.

– Да.... Никто ей не перечит, но из женщин и не дружит никто, руки не подадут, не любят. Не то что твою Эву.... Куда хочешь податься?

– Есть у меня одна задумка. Выгорит – выкуплю у Адамо его часть дома. Он как будто не против.

Картоха поднял заслезившиеся вдруг глаза на мои крепкие, согретые солнцем, родные ему стены. Налетевший откуда ни возьмись ветер выбил ставню из защёлки, и одна створка белой птицей резко ударилась о каменную кладку. Когда придёт Нина, эта створка будет уже давно лежать внизу, на земле, с растрескавшейся краской и вся поросшая травой. «Только бы поверила в меня, только бы не ушла...».

– Кто такой Картоха? – повторил Адриан.

– Не знаю.... Нужно спросить у кого-то из старожилов, – сказала Нина и взглянула коротко на Адриана. – Идём?

– Идём.

Глава 4. Одна ошибка прошлого

Апрель, 2017

С того дня Нину не оставляют мысли обо мне. Теперь она не может пройти мимо и не повернуть головы. Останавливается у входа во двор, обнимает меня взглядом. Рассматривает каждую мелочь, пытаюсь заметить что-нибудь, чего ещё не видела, хотя заглянула уже в каждый уголок. Так смотрят на что-то дорогое сердцу, давно утерянное. То, чего нельзя вернуть, и о чём рисуются несбыточные мечты. «Мой... дом....».

«А что, если?...», несмелая мысль. Нина не понимает, как не замечала меня раньше. Не хочет возвращаться домой, так и осталась бы жить во дворе, спать под открытым небом. Мне кажется, она начинает меня любить.

Она помнит слова Адриана о том, что все разрушения ещё поправимы. Изо всех сил старается не поддаться мечтам, но мыслить трезво. Не допустить и тени надежды на то, что радужные грёзы могут стать реальностью. Стремится мыслить приземлённо, а душа её рвётся домой. Ей не отступить, потому что ей уже хочется поддаться. «Нужно узнать, чей это дом, – думает Нина, накручивая прядку волос на лбу. – Узнать историю, наверняка она есть, я чувствую. Дойду до Амаранты... По возрасту она подходит, всю жизнь здесь живёт. Вполне может что-то знать». Нина свернула на основную

дорогу, ведущую к дому Амаранты, и ускорила шаг.

Я помню Амаранту с рождения. Она родилась в тот день, когда Картоха решился на рискованное предприятие и рассказал об этом другу. Она всегда была настоящим живчиком. В свои семьдесят пять лет она неизменно носит разноцветные бусы и шёлковые шарфики. Подкрашивает губы помадой пастельных оттенков, любит голубые серёжки, так идущие её глазам. И ежедневно делает укладку на свои непокорные волосы пшеничного цвета. Много гуляет, занимается йогой, ходит в церковь и на ужины с подругами после мессы, а по утрам выпивает по две чашки эспрессо. «Чтобы взбодриться» – говорит она, хотя её неудержимой энергии хватило бы на полдеревни, дай только свет.

Поначалу Нину удивляло, как итальянка может быть светловолосой и голубоглазой настолько, что сошла бы за её чисто славянскую мать. Но муж объяснил, что типичный итальянец вовсе не должен быть черноволосым и черноглазым, кудрявым и загорелым, каким он видится всему остальному миру. Что такие персонажи чаще встречаются на юге, чем на севере или даже в центральной части страны, в Тоскане. У его отца, Антонио, было две старшие сестры – Анна и Амаранта – и у всех троих были яркие голубые глаза и светлые вьющиеся волосы. Ещё муж сообщал, что у них это от его прадеда – первого из семьи, поселившегося в этой деревне. И что он носит его имя – Костанте.

– Я хотела тебя расспросить кое о чём, – завела разговор

Нина. Они с Амарантой идут спокойным шагом по петляющей среди лесов дороге, поднимаясь на возвышающуюся над деревней гору. Немного прохладно и облачно, но без дождя – удачное для подъёма сочетание погодных условий. Испарение, поднимающееся с земли, наводит некую таинственность на лесное царство. Редкий солнечный луч выхватывает из белёсой пелены темные стволы деревьев и снова прячет их в прозрачном тумане.

– О чём, дорогая? – тепло улыбнулась тётушка. Ей вообще нравится Нина, несмотря на то, что остальное семейство отнеслось к иностранке с прохладцей. Ещё ей нравится рассказывать о «прежней жизни», как она называет свои воспоминания из детства и юности. Память у неё отменная, красноречия не занимать, и Нина любит её слушать.

– Рядом с нашим домом есть чьё-то заброшенное имение. Знаешь, если от нас спускаться к главной дороге, то он будет...

– Справа, – перебила Амаранта и остановилась, продолжая улыбаться. – Хочешь узнать, чей это дом?

– Да, именно.... Откуда ты знаешь??

– Муж твой рассказывал, как ты туда бегаешь уже неделю как. Что, понравился? – лукаво подмигнула.

– Очень! Вот хочу узнать его историю.

– Это был мой дом. Наш. Я там родилась, и Анна тоже. А вот Антонио появился уже в другом доме, – в том, где сейчас живёт Мария, дочь Анны.

Нина подняла брови и широко раскрыла глаза, но тут же вышедшее из-за облака солнца заставило её щуриться и прикрыть лицо рукой. Мысли понеслись каруселью, и только один вопрос слетел с губ на выдохе. «Как это?..». Амаранта взяла её под руку и повлекла за собой, вперёд, в гору.

– Костанте ничего не говорил мне об этом! Хотя я и не спрашивала...

– Ну, ты же знаешь, он известный молчун. Не спросишь – не скажет. Всегда таким был, сколько его помню.

– Ну да, ну да... – согласилась Нина, – так что там с домом?

Амаранта помолчала, будто собираясь с мыслями, и начала свой рассказ.

– Я была слишком мала, чтобы точно знать, что там случилось. Говорят, моя мать и вторая жена дяди, Эдвига, не ладили между собой, да так, что пришлось дом поделить на две части. Мой отец – его прозвали Картохой...

– Подожди-подожди! – Нина снова остановилась и во все глаза смотрит на Амаранту, – Так, значит, Картоха... Это твой отец? Во дворе я нашла дощечку, на которой нацарапано «Картохин двор».

– Ну, да. И не нацарапано, а выжжено – он любил выжигать по дереву и вообще что-то делать руками. Он выжег её в день моего рождения.

– Костанте такой же – всё ищет, чем бы по дому заняться да во дворе, – проговорила Нина.

– Они очень похожи характерами, мы давно заметили. Да... Так вот, идём дальше. Папа тогда захотел выкупить часть дома, принадлежащую брату, и тот согласился. У них вышла какая-то размолвка из-за жён, и они никак не могли ужиться все вместе. Денег у отца особо не было. Так, какие-то накопления. Правда, он имел небольшой магазин тканей в центре Лукки, и помещение принадлежало ему. Вот его-то он и решил продать – и вложиться в другую недвижимость. Ведь цены на квадратные метры в центре намного выше тех, какие дают за периферию. Ну, добавил что было, у кого-то занял сколько не хватало и купил два других дома – недалеко от железнодорожной станции. В военные-то годы!.. Он хотел потом их продать, а пока сдавать и постепенно расплачиваться за весь дом целиком. О чём только думал.... Дядя Адамо его отговаривал, мол, подожди ещё, мало ли что.... Но тот ему не верил, а он и не настаивал. Отец – Картоха – слишком любил этот дом, чтобы жить там не в мире. Да и затея казалась ему стоящей.... Он просто хотел как лучше. Часто это повторял потом матери.

Амаранта замолчала, задумавшись о чём-то своём и глядя себе под ноги. Весенний лес живёт своей жизнью. Птицы перелетают с ветки на ветку, отчаянно о чём-то споря между собой. Тут и там желтеют нарциссы, зеленью на пока ещё бурой от опавшей зимней листвы земле сияет молодой папоротник. Нина ждёт продолжения. У неё перед глазами так живо встала картинка прошлого! Надежда и планы, родной

дом, семья, дети, война и....

– А потом была бомбёжка. В сорок третьем. Бомбили, в основном, вдоль железных дорог, и те два дома оказались разрушены полностью. Как и жизнь моей семьи – так тогда казалось. Папа был раздавлен. Он вложил в них всё в надежде на лучшее будущее и всё потерял. Да ещё и с долгом остался.

Амаранта посмотрела на Нину сделавшимися вдруг усталыми, многое повидавшими голубыми глазами.

– Так вот бывает, милая, в жизни... Мы почему-то верим, что сами решаем, как нам жить. А так ли это?

Из почтения к возрасту тётушки Нина не ответила, хотя и не была с ней согласна. Ей кажется, что да, это именно так. Что нужно бороться за право жить, как нравится, как на душе лежит. Даже если пока не знает, а как это, собственно, – жить по душе. Смелости ещё не набралась. Зато верит, что нужно стремиться, искать, не сдаваться. Что ценой любых усилий нужно идти к своему счастью. Исходя из веры в бесконечную любовь к Костанте, она оставила свой дом, своих родных и друзей, свою страну. Тогда ей казалось, что нет ничего важнее, чем быть рядом с любимым. Как часто она теперь задаёт себе вопрос – в чём ошиблась? И ищет себе доказательств того, что поступила правильно.

Холодный ветерок резко налетел откуда-то с гор, заставляя кутаться в большой шерстяной палантин.

– А дальше? Что было дальше? – поспешила уйти от

неприятных мыслей Нина.

– Дальше... Папе, чтобы расплатиться с долгом и как-то жить, пришлось продать свою долю собственности.

– Адамо выкупил её?

– Да нет, какой там Адамо.... У него и денег-то не было. Он, говорят, вообще какой-то несуразный был. Не умел хранить сбережения, всё спускал в угоду Эдвиге, новой жене. Часть дома моего отца выкупил Роберто, другой мой дядя. Так они тогда решили – в доме не должны жить чужие. А раз в Италии осталось только трое из братьев, а остальные – кто в Америке, кто и вовсе уже умер, то Роберто согласился взять долю Джузеппе. Он тогда неплохо зарабатывал.

– Значит, в доме стали жить Адамо, Эдвиге, её племянник и Роберто с семьёй? – Нина стала путаться в переплетениях семейных дел.

– Да. Роберто с женой, если быть точнее. Да и то – очень недолго, может, год или два. Потом в город вернулись. Мирко, сын его, тогда уже взрослый стал. У них с отцом было какое-то дело в Лукке, и он не захотел жить в деревне. Остался в городе. Мирко.... Да ты помнишь его? Ты его видела прошлым Рождеством, когда все собрались у нас дома.

– Тот высокий, худой и весёлый, около шестидесяти, с колкими чёрными глазами?

– Ну да. Потом у Роберто нашли рак, и он вскоре умер. Сгорел за несколько месяцев. Это было... дай бог памяти... Годах в девяностых уже. Мирко вступил в наследство, но не

стал там жить.

– Постой... – Нина перестала понимать ход событий. – Но ведь сейчас дом пустует. Так кто жил там последним?

– Убальдо, единственный из родственников Эдвиги, её племянник. Но хватит об этом. Чего в прошлом копать? Что было, то было! Бог с ним... Ускорим шаг, пора домой – обед готовить, да и дел накопилось невпроворот!

Такая она, Амаранта: не может долго отдыхать, никогда не отлынивает от забот. Даже сама их себе придумывает, лишь бы не сидеть на месте. Нина поняла, что Амаранте неприятно вспоминать те, печальные, дни истории её семьи и не стала настаивать. Однако кое-что из того, что случилось потом, могу знать только я – единственный пока ещё живой свидетель.

Глава 5. Последний, кто здесь жил

Декабрь, 1954

Когда ушёл Картоха, я остался один. Адамо, Эдвиги и племянник её, недотёпа Убальдо – не в счёт. Они вообще мало выходили во двор и уж несколько не переживали за моё будущее. Несмотря на увещевания Картохи.

– Ты уж присматривай, пожалуйста, за садом, – тихо просил он брата перед самым отъездом. – Оливки я и сам могу держать, сад, поля.... Всё ведь пригодится, всё – еда...

Шли пятидесятые годы. Война закончилась, оставив после себя боль и холод. Джузеппе, вложив и потеряв всё в надежде выкупить меня, первые годы ещё как-то пытался остаться, расплатиться с долгом. Да где там, когда ни работы, ни еды толком не было. В конце концов, скрепя сердце, продал свою долю брату Роберто, купил домик поменьше в соседней деревне и уехал.

В тот декабрьский день шёл мелкий дождь. Переезд в новое жильё устроили за день. Перевезли в телеге мебель, какая уместилась, нехитрую кухонную утварь, какой-то текстиль. Благо, ехать было недалеко, быстро управились. В последнюю телегу уместились личные вещи в баулах и чемоданах, сверху на которых сидели две маленькие девочки и их мать. Эва тихо лила слёзы, утираясь платком, а Картоха смотрел на меня, держа руку на коленях жены.

– Масло молодое пусть в подвале пока останется, хорошо? – продолжал он напутствия брату, даже не глядя на него. Смотрел куда-то в сторону, пряча глаза. – Мне его негде держать. Картошка тоже, яблоки... Я постепенно заберу, а пока пусть тут лежит.

Адамо молча кивал. Жить здесь одному со своей семьёй – то, чего он вроде бы хотел, – оказалось не таким уж желанным. Он чувствовал, что что-то пошло не так, что-то рушится с уходом брата. И не знал, что сказать. А Картоха всё говорил, будто нужно было успеть, как в последний раз. Он чувствовал, что больше не вернётся, хоть и не желал верить тяжёлым мыслям.

– Ключ я оставил под нижней ступенькой лестницы. Придёт Роберто – скажи ему. Дров на растопку камина много заготовил. Если ему не нужно, то я тоже заберу понемногу. Он решил? Будет здесь жить?

– Говорит, что будет. Только не знает, когда переедет. Дело у них с сыном в городе, ты же знаешь. Удобнее там жить.

– Как же без ухода? Дому нужна крепкая рука.... Всё же погибнет. Ты будешь...?

– Картоха... Ты сам виноват... Я не люблю гор и лесов, мне бы к морю.... Вот рыбу ловить люблю.

Эва громко всхлипнула и прижала к себе детей. Девочки сидели, притихнув, во все глаза смотрели на отца и дядю. Им было непонятно, почему они должны уезжать из родного дома неизвестно куда и зачем. Картоха махнул рукой, уста-

вившись в землю, и было ему горько.

– Я только хотел, как лучше... Но лишь бы дом остался в семье. Не отдавай чужим... Так отец завещал.

Запрыгнул лихо в телегу, подобрал вожжи, хлестнул до боли лошадь и тронулся. Я смотрел, как уходит со двора Картоха, и не мог его остановить. Он не слышал стонов в порывах ветра, он не заметил, что птицы перестали петь в ветвях олеандра у въезда. Он даже не обернулся напоследок...

С силой захлопнулась вековая дубовая дверь, да так крепко, что замки заклинило. Потом её будут открывать отмычками и оставят следы. У Картохи же только дёрнулись от резкого звука плечи, но, стиснув зубы, он прибавил ходу.

«Хорошо, что идёт дождь...», подумал он и вытер рукавом лицо.

Тогда во дворе началась долгая, долгая зима... Роберто так и не смог снова привыкнуть к деревенской жизни, да и не было у него интереса к крестьянской тяжёлой работе. Всё норовил уехать в город. Через год с небольшим он оставил отцовский дом, и его половина так и осталась стоять закрытой на долгие годы.

Тишина воцарилась в тех комнатах. Под крышей селились голуби, ветер расшатал ставни и бил нещадно стёкла. Адамо было всё равно, что творится с чужой частью дома. Они с Эдвигой и Убальдо жили закрыто, нелюдимо. Адамо работал в порту на побережье, ходил с рыболовецкими судами. Пропадал в море по нескольку дней. Эдвига была хорошим

поваром и, несмотря на её дурной характер, к ней иногда обращались местные жители с заказами на праздничные обеды. Она держала курятник и поросят, и нехитрое хозяйство занимало её дни. За садом и огородом она ухаживала, спуская рукава, и большое имение постепенно начало приходить в упадок. Роберто первое время ещё приезжал иногда, Джузеппе приходил работать на земле. Но разве можно сравнить редкие наезды с жизнью в доме? Ни смеха, ни радости. Здесь больше не было души.

Картоха сильно сдал зимой после переезда. Осунулся, поседел, потерял свой лёгкий нрав. Больше молчал о прошлом. Вспоминал, как начинал весенние работы с верхних уступов, и постепенно, деревце за деревцем, спускался вниз, к огороду. Для него было особым ритуалом работать по кругу, сверху вниз. Он считал, что так он обнимает любовью всю свою землю, выражает её через усталость от забот. От окраин к сердцу, ко мне. Закончив убирать лишние ветви последнего дерева и вскопав до последнего метра грядки, он прислонился спиной к моим стенам, и я слышал его ровный пульс. Он был счастлив, глядя на результат проделанной работы. Он сидел на железном стуле с гнутыми ножками, а над маленьким круглым столиком рядом вился аромат мятного чая из кружки. И не было у него ни мечт, ни желаний, ему хотелось сидеть здесь до скончания веков и смотреть на верхушки оливок и картошки цвет.

Но то было раньше. Та простая, безмятежная жизнь для

него закончилась холодным декабрьским днём. Новой весной Картоха пришёл ко мне с ещё теплящейся надеждой. Он хотел постричь оливки, подготовить землю к посеву овощей. Людские невзгоды не влияют на природу. Весна предлагает свет и тепло, а осень не станет ждать, пока у крестьянина пройдёт его печаль. Он понимал, что работать нужно, и что теперь у него прибавится забот – возле нового дома тоже был небольшой участок, который можно возделывать. Крестьяне живут с земли... Но руки не слушались, а ноги не держали. Он бродил по двору и саду, не зная, с чего начать. Взял секатор, поднялся на верхний уступ. Да там и остался сидеть и смотреть на меня больными глазами. Что-то изменилось в его душе, он больше не хотел, не стремился, не радовался ни мне, ни двору, ни оливкам. «Больше не хочу, я всё потерял...», как заведённый повторял он одни и те же мысли. И все оставшиеся годы Картоха работал из чувства долга и насущной необходимости, а не по зову души. Похоронили его на кладбище при церкви, на холме с другого края деревни. Оттуда видна моя крыша и верхушка ели у крыльца. На той стороне заходит солнце...

Так продолжалось лет тридцать или около того. Не помню, я редко просыпался тогда. В восьмидесятых Роберто умер от рака, а вслед за ним ушла и жена. Единственный сын, Мирко, принял наследство, но тоже не захотел жить в моих стенах – его молодая жизнь давно была в городе, зачем ему старьё? Он неплохо зарабатывал и предложил дяде выкупить

его долю собственности, чтобы потом всё продать. Или отремонтировать и... Он не решил. Может, сделать мини-отель и сдавать комнаты туристам. У Мирко всегда было много коммерческих планов на жизнь, и многое ему удавалось. Бонвиван...

Однажды Мирко приехал с предложением выкупить дом на разговор к дяде. Но Адамо, узнав о настрое племянника, сказал, что дом предков должен остаться в семье. Так они с братьями решили, потому и не продали часть Картохи кому попало. И не согласился. Они сидели на кухне возле пылающего камина и пытались договориться. Разговор не клеился, каждый стоял на своём. Мирко не любил дядю, отношения у них всегда были натянутыми. Но помнил о том, что ему придётся как-то с ним договариваться. Загвоздка была ещё и в том, что Адамо и Марко – далеко не единственные наследники.

– Помнишь, что некоторые твои тётки и дяди уехали в Америку в своё время? – вкрадчиво произнёс Адамо. – Так у них дети родились, а у кого и внуки уже. И все они – тоже наследники. Собственность разделилась на множество частей, кто знает, на сколько.... У меня практически ни с кем нет связи. Но ты, если уж так хочешь... сыщи всех, попроси отдать тебе их долю – и я перепишу свою на тебя. Куплю домик у моря, скоротаю там свои дни. Надоело мотаться туда-сюда...

– Но ты же понимаешь, что это нереально! – вскипел Мирко. Вместе его и Адамо доли составляли большую часть соб-

ственности, и Мирко мог заявить свои права единственного наследника по закону об узукапии. Упрямство дяди вывело его из себя. Он резко встал, и его стул с грохотом упал на каменный пол. Наступила тишина. Адамо молча курил. Ему было плевать и на меня, и на всю эту Картохину лирику, но увещевания отца оставались для него незыблемыми. Он ещё помнил добрую легенду про Источник Радости в моём подвале, которую рассказывал ему отец в детстве.... Мирко совладал с собой, помня о том, зачем пришёл, и перевёл разговор:

– Так и рыбачишь?

– Да.... Вот, прикупил небольшой траулер. Люблю море.... В общем, только об одном прошу – дом должен остаться в семье.

– Ну, дорогой дядя.... Задал ты мне задачку! – сказал Мирко, поднимаясь на выход.

– А ты думал, всё просто тебе достанется? Нет уж, поборись немного!

– Да с кем же мне бороться? С теньями прошлого?

– Ничего... Дело молодое, выдюжишь. Вернёшь дом, восстановишь, – подмигнул и криво усмехнулся Адамо, а Мирко махнул рукой, коротко попрощался и уехал.

Прогнозам Адамо не суждено было сбыться. Мирко пытался найти родственников на другом краю света, и с кем-то даже договорился. Смог выкупить ещё несколько частей. К началу девяностых ему оставалось уже совсем немного –

найти шесть человек... И тогда ушли Адамо и Эдвига – утонули в море во время шторма. В моих стенах остался всего один человек, и тот чужой, не из семьи. Убальдо.

Немного странный, про таких говорят «не в разуме». Нелюдимый и одинокий. Ему нужен был дом, только чтобы иметь крышу над головой. Он не любил ничего, кроме жареной лещины. Насадил везде ореховых кустов и делал заготовки на зиму. Сад же, оливковые рощи и огород не замечал вовсе. Да и за двором не ухаживал. Нина всё удивляется, мол, зачем тут столько банок с полусгнившими орехами? Они же повсеместно – во дворе, в сараях, в подвалах... А он и не следил за порядком. Таскал кучу разного хлама – вдруг когда что пригодится – да так и сваливал, где придётся.

Договориться с ним о продаже не удалось. Убальдо не хотел ничего менять, его устраивала уединённая жизнь. К тому же, не настолько он был чуток, чтобы понимать, на своём ли он месте. Подрабатывал, где придётся, так и тянул.

Ушёл он тихо. Сидел однажды на ступенях лестницы перед входом, щёлкал свои орехи. Так бывает – внезапная остановка сердца, и человеку уже ничем нельзя помочь. Да и некому было. Убальдо завалился набок, перекрыв полностью вход, и так и остался лежать, пока его не заметили соседи. На похоронах не было никого.

Заметив почти пустое человеческое жильё, на мою крышу повадились прилетать вороны. Чёрные птицы громко ругались между собой на грубом птичьем наречии, в драках сво-

их топтались острыми когтями, взлетали и сразу возвращались в бой. Били по черепице клювами, надеясь отодрать и достать из-под неё жуков и гусениц. Понемногу им это удавалось. Они раздражали меня своими базарами. Уж лучше бы спать беспробудным сном и не видеть того, что стало с моим солнечным некогда царством. Сад постепенно зарастал ежевикой, и без того неуёмная мята захватила всю свободную землю. Плющ убил большинство плодовых деревьев, добрался до стен, и по ним пошли трещины. Я знал, что твари с клювами перестают прилетать туда, где их что-то напугало. Очередным утром, когда вороны снова вернулись терзать мой покой, их излюбленная часть крыши обвалилась вниз с жутким грохотом. Чёрные взвились в небо, скрылись соседнем лесу и больше не возвращались. Потом через образовавшуюся дыру на чердак проникли горлицы и устроили на балках свои гнёзда. Уж лучше горлицы, они баюкают меня своими серенадами, когда поют возлюбленным по весне.

Тянулись дни, тянулись года.... Мирко стал появляться всё реже, решив ждать подходящего момента. По закону, если кто-то из наследников ухаживает за домом двадцать лет, а по их истечении никто больше не претендует на наследство, то всё достаётся тому, кто ухаживал. На это и надеялся Мирко. Приезжал дважды в год с садовниками и приводил двор в порядок, не особо, впрочем, усердствуя. Так, скорей для видимости, – мол, я занимаюсь, ухаживаю. И ни разу не зашёл в мои стены. Они для него чужие.

Я не чувствовал, что живу. Я забылся в летаргическом сне. Картоха умер, оставив троих детей и так не сумев вернуться домой. Это была долгая, долгая зима. И не было бы ей конца, если бы в один весенний день у входа во двор, там, где когда-то стояли ворота, не появилась молодая девушка с солнцем в волосах, ледяными глазами и беспокойной душой.

Глава 6. Цени то, что имеешь

Май, 2017

В одно утро Амаранта влетела в дом стремительно. Распахнула настежь двери, создав мгновенный сквозняк, и шторы взвились к потолку. Бросила сумку на ещё неразобранные коробки у входа. Нина мыла посуду после завтрака, да так и замерла на месте с мыльной чашкой в руках. Амаранта не часто договаривается заранее о времени визита, если он не связан с работой. Она парикмахер, и после выхода на пенсию продолжает стричь постоянных клиенток у них дома. Сколько её помню, она всегда находила себе множество забот. За день могла побывать в десяти разных местах, а ведь у неё ещё хозяйство, дом, дети, внуки.

Впрочем, я знаю, в чём секрет её непунктуальности. Амаранта не может отказать себе в удовольствии посплетничать, и обычно недолгий ритуал стрижки и укладки редких волос пожилых дам затягивается на два часа. Ведь за разговорами и кофе надо выпить, а как же! Грешок лёгкой безалаберности тётушка за собой знает, и относится к нему уважительно. Старается не назначать точных встреч, если не уверена, что прибудет вовремя. Ей проще заскочить «на пять минут», высказаться и умчаться дальше. Особенно если есть, что сказать, но нет времени на долгие разговоры между запланированными делами. У неё есть приятная особенность – так

тичность. Амаранта не станет говорить о деликатном прямо, чтобы ненароком не задеть собеседника. Но и промолчать – не в её характере.

– Сделай-ка мне, кофе, дорогая, и я побегу дальше, – велела она Нине, падая на стул в кухне. И вдруг умолкла, будто ожидая, что Нина начнёт рассказывать первой.

Сегодня у неё пытливый взгляд, хотя она и улыбается и с виду беспечна. В последнее время тётушка стала часто заходить к Нине поутру. Это её способ не вмешиваться, но находиться поблизости, ненавязчиво наблюдая за тем, что происходит в их с Костанте доме. Она ни о чём особо не спрашивает, но подмечает изменения настроений. Не лезет в их отношения, но далеко и не уходит.

Я-то знаю, ей не нравится, как много времени Нина стала проводить вдвоём с Адрианом. Пусть их отношения ничем не напоминают романтические, но Амаранта считает, что замужней женщине неприлично так часто встречаться с чужим мужчиной. Да ещё в уединённом месте. Она и помыслить не могла даже о том, чтобы двое и в баре-то виделись – по делу, но регулярно. Если, конечно, они не встречаются официально. Местные дамы вообще не считают приличным приходить в бар без мужей, кроме как на утренний кофе. О вечерних посиделках за бокалом вина и речи быть не может. А тут – подвал старого дома, место, где можно скрыться от посторонних глаз. Мадонна!..

Впрочем, скрыться совсем у них тоже не получается. Со-

седи видят, как часто Адриан приходит, как Нина его встречает, и как вдвоём они идут в мой двор, за разговорами забывая об окружающих. Смеются, торопятся рассказать друг другу что-то важное... Вокруг двора со всех сторон разрослись давно не стриженные деревья, и то, что происходит внутри, нельзя увидеть с улицы. Но это-то и подогревает интерес и пересуды. Мне видно, что между ребятами не происходит ничего предосудительного. Кроме, разве что, слишком пристальных переглядов и нарочитого затягивания времени, которое можно провести за выдуманными делами вместе. Ну, да кто о том знает... Разве что догадывается.

Нина повернула ручку крана с водой, и в доме стало тихо. Она чувствует, что Амаранта чего-то ждёт, но не знает, что именно та хочет услышать или сказать. И ждёт. Неловкость ситуации заставила её сконфузиться и броситься к конфоркам. Амаранта наблюдает, приложив указательный палец к виску. Чтобы замять возникшую паузу, она принялась болтать ни о чём, слишком сосредоточенно глядя на свои руки и простые привычные действия. Открыть банку с кофе, налить в кофеварку воды, насыпать кофе, закрутить, поставить на плиту. Отрегулировать высоту огня. И каждые десять секунд открывать крышку – не закипает ли, не убежит ли кофе. Стоит, опираясь на столешницу, и не знает, куда деть руки. То ей солнце слишком ярко светит через открытое окно, и она поправит занавеску. То вдруг примется складывать кухонные полотенца, то – смахивать несуществующие крошки

со столешницы.

Наконец, кофе закипел, и Нина медленно разливает его по чашкам и усаживается напротив Амаранты. Ты делает беззаботный вид, хвалит чудесный аромат и попутно спрашивает, как вообще дела. Нина, может быть, слишком подробно рассказывает, какие нынче увлечения у Алессандро в саду. Спрашивает совета о том, как лучше растить глицинию. Амаранта допивает свой кофе, ставит чашку на стол и, игнорируя вопрос, говорит:

– Пойдём-ка на улицу, покурим, и я поеду.

«Что ты хочешь мне сказать?..», вертится в голове у Нины. Тётушка сосредоточенно скрутила сигаретку, не торопясь. Устроилась в кресле-качалке, перекинула ногу на ногу. Закурила и, выпустив дым, взглянула на Нину:

– Я смотрю, – начала Амаранта не то вопросительно, не то утвердительно, – зря я тебе рассказала про старый дом.

– Как же – зря? – опешила Нина. Ничего подобного она не ожидала. Она-то только почувствовала почти забытое воодушевление, когда хочется стремиться, верить в счастье впереди и танцевать. – А что плохого?

– Да не плохого... Хотя, как знать. – Амаранта посмотрела на видневшуюся из-за деревьев мою провалившуюся крышу. – Костанте злится, ты видишь? Да и в баре болтают, мол, зачистил наш дорогой Адриан в Картохин двор, зачистил...

Нина вспыхнула и осеклась, поняв прозрачный намёк. Разве она делает что-то непозволительное для замужней?

Вовсе нет. Ей нравится проводить время здесь, со мной. Для неё мой двор быстро стал родным. Но вот присутствие Адриана... Ох, уж эти деревенские кумушки!

– Подружкам твоим делать, видимо, нечего, как только языками чесать! – как можно спокойнее проговорила Нина.

– А чего ты занервничала, милая? – Амаранта, видя, что Нина пытается не показать настоящую реакцию, взяла в ладони её лицо – совсем по-доброму, как бабушка родная. – Ну-ка! Посмотри на меня!

Нина подняла на неё взгляд. Она знает, что Амаранта относится к ней действительно хорошо. Помнит, что та приняла её сразу, как только она появилась в семье. В отличие от многих других родственников. И ценит это.

– Ты же знаешь, я добра тебе хочу, – серьёзно сказала старая синьора. – Пойму. Но и ты пойми, что нужно ценить то, что имеешь. Понимаешь?

Нина кивнула и опустила глаза. Не может она открыться родной тётке мужа, как бы ни любила её.

– Ну, вот и славно, милочка, – Амаранта, как всегда, внезапно заторопилась и подхватила сумку. – Поехала, не то к Фабриции опоздаю! Ох, время-то уже... Ну, что я за растяпа, опять заболталась!

И, расцеловав Нину в обе щёки, вихрем умчалась по своим делам. Нина ещё немного посидела с чашечкой из-под кофе в руках, задумчиво глядя на опустевшее кресло напротив. «Цени то, что имеешь...». Этот полуразговор – как нежи-

данно налетевшие облака в солнечное утро. Она обвела глазами свой дворик, подметила, что герань нужно пересадить в горшки побольше. И придумать, куда посадить глицинию – уж очень большая и мощная это лиана, не всякий уголок будет ей подходящим местом. Домик-то у неё не большой, места свободного совсем мало. А Нине томительно хочется разбить пышный сад. Люпины, пионы, каллы... Нежный и буйный сад. Такой, чтобы цветение и ароматы захватывали, завораживали и кружили душу в блаженстве. Подобрала подходящие игрушки, разбросанные Алессандро, передела обувь и пошла ко мне. «Домой...».

Нина теперь часто стала забегать. Стремится хоть немного времени провести во дворе. Я ожил в её глазах, и она старается хоть полчаса, но каждый день провести со мной. Даже разговаривает мысленно, когда придёт посидеть на нагретых несмелым майским солнышком ступеньках козьего сарая напротив входа. Я понимаю, так она пытается вырваться из обычной рутины с нелюбимой работой и размолвками с Костанте в свой личный, тёплый и принимающий мирок. Иногда приносит альбом с жёсткой обложкой и что-то рисует карандашами. Обычно это детали двора – она не видит их развалинами. Она рисует так, как видит меня, – тёплым и радостным. В её рисунках двери крепки, окна не пропускают ветер, а стены увиты плетистыми розами. Она смотрит и видит жизнь в давно покинутом дворе. Но бросает любую задумку на стадии наброска, будто теряя смысл.

Ещё любит собирать простые цветы в скромные букетики. Без ухода пышные некогда розы давно погибли, и теперь здесь цветут только неприхотливые маргаритки да клевер. Какое уж там великолепие! А ей нравится. Придумала свежие мятные листочки собирать в широкую, почти плоскую корзину и сушить в старом сарае. Мяты у меня много! Двор пахнет мятой с апреля по октябрь – пока греет солнце. Это самое солнце в нежных зелёных листочках Нина пытается поймать и сохранить до зимы. Она уже много заготовок сделала, неутомимая, всем родственникам в деревне хватит на чай холодными вечерами! Картоха тоже так делал....

Впрочем, ей всё равно, что собирать. Для неё это священный процесс сродни медитации. Что-то напевает себе под нос, поминутно наклоняясь к земле, и улыбается. «Любовь к цветам и вообще природе выводит человека за пределы его мира...». Чья это цитата, Нина уже давно забыла, но хорошо чувствовала её смысл. Настолько, что считала эти слова своими. Они читала, что вредно жить мечтами и воспоминаниями, – психика, мол, портится. И что нужно быть здесь и сейчас, в этом самом моменте и в этом самом месте. И что это просто – только наблюдай за тем, что делаешь и что видишь.... Впрочем, пусть читает, что хочет. Я-то знаю, что когда она здесь, то мысли её прекращают свой бесконечный бег. И ей спокойно и тепло.

Походит так, пособирает мятные букетики, посидит на солнышке, и неурядицы теряют в весе. Перестают давить на

сердце. Я даю ей сил, каждому нужно место, где можно перевести дух и надышаться. Чувствует ли она, как я стараюсь греть её, как перестаёт дуть ветер и как громче заливаются птицы, когда она приходит? Чувствует, наверно, иначе бы не стремилась сюда всей душой. Будто убегая из своего дома...

Костанте порой ворчит:

– Ну, что ты туда ходишь? Нравятся тебе эти развалины?

– Нравятся, – невозмутимо отвечает Нина, в очередной раз направляясь домой. – Мне там хорошо.

– А дома плохо?

Нина не отвечает. Она старается не реагировать на бесконечные «шпильки» с его стороны. Костанте злит, что больше, чем в новом доме, Нине нравится торчать в развалинах, поросших бурьяном и травой. Он знает историю семьи, знает, что почти невозможно распутать бюрократический узел, который завязывался десятилетиями. И считает эти её побеги пустой тратой времени. Могла бы и по хозяйству чего поделать!

Адриан этот ещё... Что они там делают вдвоём? Не скрываются, нет. Костанте видел однажды, что ничего неподобающего между ними не происходит. Заберутся повыше по уступам, сидят под оливками, смотрят вниз. Разговаривают, смеются, как старые друзья. А вот с ним, с мужем, она не смеётся. Мысли её и эмоции всё больше становятся закрытыми для него. Он перестал её понимать.

Разрыв между ними, как кажется Костанте, становится всё

больше с тех пор, как Нина обнаружила Картохин двор и узнала его историю. Дома больше молчит, механически делая то, что должна: убрать, приготовить, помыть, постирать, сыну почистить, кота накормить.... Днём работает, вечерами дома, в выходные едет с семьёй куда-нибудь погулять. Тихая, размеренная жизнь. Такая, как ему, Костанте, нравится. Но она не счастлива, он чувствует. Не понимает, почему, и бессилие понять вызывает глухую злость.

– Так, может, хочешь выкупить этот дом у Мирко? – нехорошо подшучивает он. Он, конечно, понимает, и во что может обойтись такая покупка, и то, что не по их она банковскому счёту. – Что за блажь вообще?

– Может, и хочу. Но это не его дом, – с серьёзным видом заявляет Нина и уходит. Эта «блажь» для неё – мечта.

Глава 7. Каждую весну и каждую осень

С каждым приходом Нины я чувствую сильнее, как жизнь возвращается в мои стены. Холодный камень отогревается майским солнцем. Листочки плюща, плотно опутавшего кладку, блестят нежной зеленью. Юркие ящерицы – этих ребят у меня много расселилось по углам – испуганно прячутся, заслышав шорох шагов Адриана по траве и залиvistый смех Нины. Адриан часто рядом: если едет мимо и видит её во дворе, непременно бросит машину у въезда и – к ней. Он как-то сказал, что влюблён в этот смех. Что ещё не видел такой искренней, неприкрытой ладонью радости. И что постарается слышать его чаще. Нина тогда ничего не ответила, только усмехнулась про себя, отвернувшись. Ей очень хотелось ему верить – он вселял в неё надежду на... Впрочем, она не утруждала себя размышлениями о сути происходящего, хоть слова Амаранты и крутились где-то фоном, останавливали её. Но, вместе с тем, ей было легко с ним, с Адрианом. Зря, милая, зря ты так легковерна. Видеть только желанное – приятно. Но неосмотрительно. Я могу сколько угодно скрипеть своими ставнями и хлопать покосившимися дверьми в ответ на взгляды из-под полуприкрытых век – она слишком увлечена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.